

МОЖНО ЛИ ХИЩЕНИЕ СОВЕРШИТЬ С КОСВЕННЫМ УМЫСЛОМ?

В статье рассматриваются актуальные для правоприменительной практики и теории уголовного права проблемы квалификации хищений по субъективным признакам. Автор ставит вопрос о возможности хищения с косвенным умыслом. Детально анализируется, в контексте поставленной проблемы, правоприменительная практика и приводятся доводы, опровергающие данный взгляд. Отстаивается положение, в соответствии с которым хищение возможно только с прямым умыслом, и никакие варианты, отождествляющие прямой неопределенный с косвенным, приняты во внимание быть не могут.

Ключевые слова: хищение, прямой умысел, цель преступления, имущественные преступления, субъективные признаки хищения.

Одним из обязательных признаков хищения является совершение преступного деяния лицом умышленно (нельзя себе представить, чтобы кто-то совершил хищение по неосторожности). В уголовно-правовой литературе почти безоговорочно утверждается, что хищение всегда совершается только с прямым умыслом [8, с. 75; 10, с. 42; 15, с. 22]. Согласно канонам уголовного права преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия и желало их наступления.

Важной составляющей хищения является характеристика волевого элемента умысла, который свидетельствует о его направленности на достижение того или иного преступного результата. Здесь кульминационным моментом, характеризующим волевое поведение, является исполнение принятого решения, заключающееся в совершении хищения.

Тем не менее, в правоприменительной практике продолжает оставаться спорным вопрос относительно возможности совершения хищения не только с прямым, но и с косвенным умыслом. В качестве одного из таких примеров

приводят случаи незаконного получения гражданином листка временной нетрудоспособности, являющегося документом, освобождающим его от работы и основанием для начисления пособия в связи с временной потерей трудоспособности.

Как полагает В.В. Векленко, в данном случае основной целью такого поведения выступает стремление работника избежать дисциплинарной ответственности за прогул либо получить свободное время для решения личных задач. При этом виновный понимает, что результатом такого «освобождения от работы» будет незаконное получение денежного пособия без имеющихся на то фактических оснований. Иными словами, содеянное в этой части будет представлять собой совершение хищения путем мошенничества посредством представления фиктивного документа. Таким образом, незаконно получая оплаченный «больничный», лицо может преследовать две цели, причем корыстная чаще всего не является основной [1, с. 170]. Отсюда и делается вывод, что хищение, ставшее неизбежным результатом реализации иной личной цели, может быть совершено с косвенным умыслом, поскольку в основе такого поведения лица лежит желание избежать ответственности за неявку на работу или обеспечить свободное время, но при этом виновный сознательно допускает причинение имущественного вреда организации, работником которой он является.

Такой же позиции ранее придерживался И.С. Тишкевич, который полагал, что «не может быть никаких сомнений в том, что стремление скрыть прогулы не исключает умысла на хищение, если виновный представляет фиктивный больничный бюллетень для оплаты. Наказывать подобные действия лишь как подделку документов или использование поддельных документов ... было бы неправильно, так как виновный не только старается освободиться от выполнения трудовых обязательств, но и преследует цель незаконно получить определенную (нередко весьма значительную) не причитающуюся ему денежную сумму. Отрицание наличия признаков хищения в рассматриваемых случаях может лишь ослабить борьбу с нарушителями трудо-

вой дисциплины, не желающими честно трудиться, стремящимися получить вознаграждение за труд в большем размере, чем следует» [16, с. 42-43; 17, с. 63-64].

Исходя из сказанного, трудно не заметить, что обоснование такого подхода сводится к тому, что если виновный имеет две цели, то признанная судом доминирующей лежит в основе квалификации преступления с прямым умыслом. То есть если виновный одним действием совершает два умышленных преступления, одно из них должно быть квалифицировано как содеянное с косвенным умыслом. Подобные подходы иногда можно встретить и в судебной практике.

Так, руководителю предприятия вменялось в вину то обстоятельство, что он в течение 2 лет девять дней не был на рабочем месте, однако в таблице учета рабочего времени данное обстоятельство не было учтено. И поскольку он, как руководитель предприятия, это прекрасно знал, таблицу все же подписывал, скрывая свои прогулы. Следственными органами по данному факту было возбуждено уголовное дело за хищение чужого имущества, однако суд обоснованно вынес оправдательный приговор, ссылаясь на то, что основная цель этого руководителя не состояла в хищении денежных средств, к этому обстоятельству он относился безразлично, а раз так, то хищение не может быть совершено с косвенным умыслом.

Полагаем, что такая позиция суда является верной, ибо как указано в самом уголовном законе, хищение всегда совершается с корыстной целью, а раз так, то умысел при совершении хищения может быть только прямой. Соответственно, если умысел при хищении направлен не на преступное обогащение, а на достижение иных целей, то это свидетельствует о совершении деяния не с прямым, а с косвенным умыслом, чего никак не может быть при хищении чужого имущества.

Продолжает оставаться неоднозначным в судебно-следственной практике подход, когда должностное лицо, злоупотребляя своим служебным положением, не имеет цели безвозмездного получения либо выплаты денежных

средств, но в последствии в силу результата производственного процесса получает в виде премий, надбавок к заработной плате денежные средства. По этому поводу среди правоприменителей бытует мнение, что такие ситуации все равно необходимо расценивать как хищение.

Тем не менее, судебной-следственной практике уже были известны перегибы в данном вопросе, когда преступлением считалось и так называемое хищение в пользу третьих лиц. Жертвами такого толкования были энергичные, предприимчивые хозяйственные руководители (отдельные председатели колхозов, директора совхозов и иных предприятий), которые в нарушение ведомственных инструкций часть получаемых доходов использовали на дополнительную заработную плату колхозников и рабочих (деньги эти были действительно заработаны последними). Однако размеры таких выплат суммировались, а их присвоение вменялось в вину хозяйственным руководителям как хищение социалистического имущества. Последние приговаривались к длительным срокам лишения свободы даже в случае, если сами никаких сумм не получали [11, с. 269-272].

Таким образом, на протяжении длительного времени в судебной-следственной практике действия исполнителей таких приписок, повлекшие необоснованные выплаты премий, независимо от их умысла всегда квалифицировались по совокупности статей УК, предусматривающих ответственность за приписки и хищение государственного и общественного имущества, совершенное путем злоупотребления служебным положением. Причем при квалификации этих деяний исходили из всей суммы денежных средств, как присвоенных должностным лицом – субъектом приписок, так и безвозмездно переданных другим лицам в виде зарплаты и премий. Подобная практика была закреплена в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 г. № 7 «О практике применения судами законодательства по делам о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов».¹

---

¹ Позже, а именно в 1987 г., в данный пункт были внесены изменения: «Приписки в государственной отчетности и представление других умышленно искаженных данных о выполнении планов, совершенные долж-

Игнорирование содержания умысла виновных при юридической оценке действий исполнителей приписок приводило к тому, что фактически допускалась возможность наличия хищений, совершаемых с косвенным умыслом и без корыстной цели [19, с. 4].

Например, широко известные криминалисты советского времени В.А. Владимиров и Ю.И. Ляпунов так характеризовали данную ситуацию: «Как известно, общим понятием хищения, выработанным теорией советского уголовного права, охватываются случаи как безвозмездного корыстного обращения социалистического имущества в пользу самого виновного, так и незаконного распоряжения им как своим собственным, в частности противоправная передача его в собственность лиц, не причастных к событию преступления. Указанная ситуация по существу как раз и имеет место в случаях создания должностным лицом «оснований» для незаконной выплаты работникам соответствующих организаций государственных или общественных средств под видом премиального вознаграждения или надбавок к заработной плате. То обстоятельство, что виновное лицо не присваивает себе определенной суммы из этой части незаконно выплаченных денежных средств, не меняет юридической природы хищения, ибо и в этом случае расхититель распорядился социалистическим имуществом как своим собственным» [3, с. 127-128].

Таким образом, констатировалось, что неизбежным результатом приписок, независимо от умысла виновного, обязательно является незаконная выплата ему и другим лицам денежных средств и эти последствия предвидятся должностным лицом – субъектом приписок. Из каких бы побуждений

ностными лицами с целью присвоения денежных средств либо другого государственного или общественно-го имущества, должны квалифицироваться по совокупности как приписки и хищения путем злоупотребления служебным положением в размере суммы, полученной всеми участниками хищения, а если приписки повлекли также незаконную выдачу премий или иные выплаты работникам, не состоящим в сговоре о хищении, чем причинен существенный материальный ущерб, то и как злоупотребление служебным положением. Приписки, совершенные без цели присвоения государственного или общественного имущества, если они повлекли незаконную выплату заработной платы, премий или списание материальных ценностей, чем причинен существенный материальный ущерб, подлежат квалификации по ст.ст. 152.1 и 170 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик».

ни совершались виновным приписки, он всегда осознает, что получит необоснованные выплаты.

О том, что данный вопрос не потерял свою актуальность, свидетельствует следующий пример.

Так, семеро сотрудников одного из ОАО органами предварительного следствия обвинялись в хищении, путем злоупотребления служебными полномочиями 12,2 млн. рублей. Достоверно зная, что ОАО не выполняет плано-производственные показатели, обвиняемые (в лице директора, его заместителя, начальников цехов) рассчитывали количество готовой продукции, которую необходимо было приписать в отчете каждого цеха, чтобы формально выполнить плано-производственные показатели. В результате такого рода действий ОАО был причинен ущерб в особо крупном размере, однако эти денежные средства выплачивались рабочим в качестве премиальных за выполненную работу, где часть премий предназначалась и некоторым обвиняемым (в среднем по 150 тыс. рублей). Проведенная финансово-хозяйственная экспертиза подтвердила некоторое завышение отчетных данных и необоснованное начислений премий.

Как видно, квалификация подобных случаев как хищения имеет под собой и правовое обоснование, главным образом сводящееся к тому, что хищение может совершаться и с косвенным умыслом, потому как неизбежным результатом подобных приписок, независимо от умысла виновного, обязательно является незаконная выплата ему и другим лицам денежных средств, и эти последствия не могут не предвидеться субъектом совершения хищения. Иначе говоря, при совершении хищения с косвенным умыслом завладение чужим имуществом является неизбежным результатом такого поведения виновного, который в качестве основной преследует и иную цель [7, с. 22; 16, с. 42]. Базируется же данное утверждение, главным образом, на том, что корыстные мотивы при хищении не являются единственными, они могут сочетаться с другими побуждениями некорыстного характера.

Однако вряд ли в данной ситуации обоснованным будет вывод суда о том, что обвиняемые похитили 12,2 млн. рублей, скорее они причинили ущерб предприятию на указанную сумму, злоупотребив властью или служебными полномочиями. В подобных случаях особое внимание необходимо обращать на способ извлечения материальной выгоды и направленность умысла виновных. Само по себе установление завышенных вознаграждений или премий по договорам и контрактам не может служить основанием для квалификации действий как хищение. Здесь важно установить и доказать корыстную заинтересованность должностного лица, и если таковая имеется, то лишь тогда присутствуют основания для применения статьи УК о хищении.

Игнорирование содержания умысла виновных в данном случае приводит к тому, что фактически допускается возможность совершения хищения с косвенным умыслом и без корыстной цели. Однако еще раз заострим внимание: указание в уголовном законе на цель преступления всегда является показателем прямого умысла, а затушевывание данного обстоятельства порождает принцип объективного вменения.

Правильное установление направленности умысла виновного и мотива его действий помогает отграничить хищение от других преступлений, где лицо хотя и получает противоправным и безвозмездным образом чужое имущество, но умысел при этом направлен не на преступное обогащение, а на достижение иных целей (например, получение средств по подложному больничному листку, представленного в целях оправдания прогула; получение премии в результате представления фиктивных данных о выполненном плане, улучшения показателей в работе с целью показать себя в выгодном свете; изъятие одежды купающихся с целью поставить их в неловкое положение и т.д.). В такой ситуации завладение имуществом по некорыстным мотивам не может рассматриваться как хищение.

Таким образом, какие бы трудности не возникали при определении отношения лица к совершаемому деянию, работники правоохранительных ор-

ганов должны руководствоваться принципом субъективного (а не объективного) вменения при доказывании совершенного лицом хищения [20, с. 483].

Сказанное вовсе не означает, что в рассматриваемых нами ситуациях априори имеет место косвенный умысел и признаки хищения чужого имущества в таких делах всегда будут отсутствовать. Напротив, можно говорить о хищении и в данных ситуациях, однако для этого необходимо выявить прямой умысел лица на завладение чужим имуществом, для чего следует при выявлении фактов подделки больничных листов выяснять причины прогулов, был ли прогул подготовлен заранее или нет, готовились ли подложные документы до прогула или после него. Это же относится к всевозможным припискам в документах, ибо сам по себе факт получения денежных средств в виде премий еще не позволяет вменить лицу в вину хищение. Обстоятельствами, свидетельствующими о возможном совершении хищения в данном случае могут служить факты продолжительности преступной деятельности, многократность совершения приписок и т.д. Поэтому как хищение может быть расценено присвоение незаконно начисленных премиальных выплат должностному лицу в той сумме, которую он получил лично.

Однако в настоящее время данный вопрос приобрел и иную окраску. Нередко утверждается, что в сложившихся социально-экономических отношениях в экономической среде могут возникать самые различные обстоятельства, связанные с ведением бизнеса, поэтому совершая сделку, ее участники в какой-то степени идут на риск, и ничего преступного в этом нет. Предпринимательский риск – обычное явление в экономической сфере и это следует учитывать как должнику, так и кредитору. Если лицо, например, в момент получения банковского кредита (аванса, предоплаты) намерено по возможности исполнить обязательство – мошенничество отсутствует, при этом и не требуется, чтобы это лицо было уверено в том, что оно исполнит обязательство [5, с. 41; 21, с. 39]. Таким образом, можно сказать, что различная деятельность, как по форме, так и по содержанию в условиях коммерче-

ского риска исключает возможность привлечения лица к уголовной ответственности.

Головины и Асеев признаны виновными в мошенничестве в крупном размере, совершенном по предварительному сговору, с причинением организации АОЗТ «Асек» ущерба на сумму 632 800 тыс. российских рублей при следующих обстоятельствах. Головин и директор фирмы «Гамбит» Штейнмиллер заключили сделку, для осуществления которой Головин дал в долг Штейнмиллер 30 млн. рублей, а последняя в счет погашения долга должна была предоставить Головину стоматологическое оборудование. С этой целью Головин получил кредит в акционерном банке «Югорский» г. Нижневартовска в сумме 30 млн. рублей под залог своей квартиры. Директор же фирмы своих обязательств не выполнила. С целью погашения кредита и процентов по нему Головин и его супруга учредили предприятие «Экспансия», директором которого был назначен Асеев, и взяли кредит в Западно-Сибирском коммерческом банке. Гарантом погашения нового кредита выступил директор другого предприятия Бабушкин. Получив кредит в сумме 70 млн. рублей Головина погасила кредит в акционерном банке «Югорский». В счет возмещения задолженности Головин передал Бабушкину 10 млн. рублей, обещая остальную сумму вернуть позднее. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменяя судебные решения и прекращая дело за отсутствием в действиях Головиных и Асеева состава преступления указала следующее. Статья 159 УК РФ предусматривает ответственность за мошенничество, т. е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Способом завладения имуществом при мошенничестве может быть обман или злоупотребление доверием в любых формах, преступление совершается только с прямым умыслом, обязательный признак субъективной стороны – корыстная цель. Обман в любой форме для получения кредита может квалифицироваться как мошенничество только в том случае, если по делу будет установлено, что обманное завладение денежными средства-

*ми совершено с целью обращения их в собственность виновного или других лиц. Такие обстоятельства (предусмотренные законом) по данному делу судом не установлены. В деле нет доказательств (не приведены они и в приговоре), подтверждающих наличие в действиях осужденных преднамеренных обмана или злоупотребления доверием с целью безвозмездного завладения деньгами. Показания Головина о том, что изначально, беря кредит в акционерном банке «Югорский», он не имел намерения не погашать его и последующие долги, подтверждены другими материалами дела: показаниями Головиной, Асеева, свидетеля Бабушкина, фактом частичного погашения долга предприятию, которым руководил Бабушкин. Осужденные не обратили в свою пользу либо в пользу третьих лиц суммы полученного кредита, погасить своевременно задолженность не имели возможности в связи с отсутствием денежных средств **по причине неумелого и неудачного ведения своих дел** (выделено мною – В.Х.). Неисполнение договорных обязательств при таких обстоятельствах влечет гражданско-правовую ответственность.*

Интересна в свете вышеприведенных примеров позиция авторитетного профессора П.С. Яни. Данный ученый полагает, что действия лиц в условиях коммерческого риска могли бы быть охвачены составом хищения, если допустить возможность совершения этого преступления с косвенным умыслом либо если расценить умысел таких лиц не как косвенный, а как прямой неопределенный [23, с. 70-75].

Действительно, обман в ряде случаев может сознательно допускаться мошенником. В этом контексте, по мнению того же П.С. Яни, лицо, получая кредит и обеспечивая его возврат, исключает тем самым обвинение себя в желании причинить ущерб кредитно-финансовому учреждению, но если оно создает лишь видимость обеспечения исполнения обязательства по кредитному договору, а на самом деле в случае чрезмерно рискованной и неудачной операции не сможет этого сделать, можно говорить о предвидении им двух вариантов (в одном случае заемные средства возвращаются, а в другом нет)

развития причинной связи, отправной точкой которой стали его действия [24, с. 74].

Конечно, должники выдвигают версии, согласно которым, получая раз за разом кредитные средства, они рассчитывают погасить их за счет последующих (причем несколько первоначальных обязательств ими таким образом исполнено). Однако по утверждению П.С. Яни, если расценивать психическое отношение лица к данным действиям как умысел прямой неопределенный (а само лицо рассматривает два варианта последствий своих действий, один из которых заключается в невозможности исполнения взятых на себя обязательств и причинения тем самым вреда), то есть все основания квалифицировать такие действия как хищение.²

К сожалению так уж сложилось, что принцип свободы договора зачастую используется недобросовестными лицами для умышленного причинения имущественного вреда, злостного уклонения от уплаты налогов, достижения иных противоправных целей, и с этим спорить мы не станем, однако полностью поддержать позицию, занятую П.С. Яни в этой связи мы не можем.

Если действительно действия рассматриваемых лиц оценивать как хищения по причине наличия у них прямого неопределенного умысла на совершение преступления, то не повлечет ли это за собой иные, далеко идущие последствия? Ведь здесь представление виновного о существенных объективных признаках совершаемого деяния является не индивидуально-определенным, а охватывает лишь его видовые признаки [9, с. 77]. Во всяком случае, при неопределенном умысле субъект должен предвидеть возможность наступления различных вредных последствий, но все же последствий однородных [13, с. 190], в равной мере желая или сознательно допуская их наступление.

---

² П.С. Яни в данном случае проводит аналогию с действиями хулигана, который стреляет в толпу, и впоследствии заявляет о своем нежелании убивать кого-либо или причинять телесные повреждения. Однако убийство из хулиганских побуждений все равно расценивается как убийство с прямым, а не с косвенным умыслом, поскольку несмотря на основную цель, определяемую хулиганским мотивом, совершенно определенно и желание у хулигана убить или изувечить людей, в которых он стреляет [22, с. 37].

Так, директор УП «Алкмар» на основании устной договоренности с директором УП «Белакт» получил на складе товар. Товар предоставлялся «в долг» с обещанием вернуть товар такого же качества. В течение длительного времени товар не возвращался, что мотивировалось отсутствием товара необходимого качества. В отношении директора УП «Алкмар» было возбуждено уголовное дело, однако директор был оправдан в связи с отсутствием в его действиях состава преступления (мошенничества) [14, с. 39].

Вместе с тем, если занять позицию профессора П.С. Яни, то вполне может оказаться, что директора УП «Алкмар» можно осудить за хищение, т.к. он мог предполагать два варианта развития последствий от своих действий, одним из которых является невозможность исполнения взятых на себя обязательств, что влечет причинение ущерба кредиторам. Однако не получится ли так, что в данном случае одну коллизию, мы заменим другой, и еще больше породим неопределенность. А ведь суд в последнем примере, вынося оправдательный приговор, указал, что в момент получения товара директор УП «Алкмар» сам, по своей инициативе, на фирменном бланке УП «Алкмар» написал расписку о получении им товара и, идентифицировав себя подобным образом, директор УП «Алкмар» не имел намерения не исполнять обязательство.

Сказанное означает, что данный практический вопрос имеет весьма методологическое значение, ибо косвенный умысел некоторые ученые попытались приравнять к неопределенному, и на том основании постановка вопроса о возможности хищения с косвенным умыслом уже не выглядит такой безосновательной.

Итак, по общему правилу, волевой момент умысла при хищении состоит в желании обратить чужое имущество в свою пользу или в пользу других лиц, в судьбе которых виновный заинтересован (прямой умысел). Тем не менее, в отдельных случаях, когда лицо, совершая определенное преступление, осознает, что его действия могут повлечь обращение в его пользу чужих материальных средств в качестве последующего закономерного результата, во-

левой момент в отношении реализации вторичной цели хищения, как отмечает В.В. Векленко, может заключаться в сознательном допущении последствий либо в безразличном к ним отношении [1, с. 170], что характеризует косвенный умысел.

Таким образом, при косвенном умысле наступление общественно опасных последствий не является ни прямой целью преступления, ни необходимым средством достижения какой-то другой цели. Общественно опасные последствия при косвенном умысле воспринимаются виновным как «побочный продукт» его деятельности, которая направлена на достижение иных преступных или даже не преступных последствий. При косвенном умысле наступление общественно опасных последствий не является ни прямой целью преступления, ни необходимым средством достижения какой-то другой цели. Общественно опасные последствия при косвенном умысле воспринимаются виновным как «побочный продукт» его деятельности, которая направлена на достижение иных преступных или даже не преступных последствий.

По этой причине никак нельзя приравнять косвенный умысел к неопределенному, и на этой почве пытаться вывести сентенцию о совершении хищения с неопределенным умыслом (а на самом деле как бы с косвенным).

Заметим, что понятие неопределенного умысла не знает уголовное законодательство, оно разработано теорией уголовного права, поэтому данная разновидность умысла есть не что иное, как специфическое проявление прямого и косвенного умысла. В современной уголовно-правовой доктрине неопределенный умысел трактуется как психическое отношение лица к общественно опасным последствиям своего деяния, при котором виновный предвидел возможность наступления различных общественно опасных последствий своего деяния и в равной степени желал либо не желал, но сознательно допускал наступление любого из них или относился к ним безраз-

лично [2, с. 251].³ То есть неопределенный (неконкретизированный) умысел характеризуется тем, что у виновного имеется не индивидуально-определенное, а обобщенное представление об объективных свойствах деяния, где он осознает только его видовые признаки (например, похитить имущество в крупном или особо крупном размере) [12, с. 82].

О том, что фактически, при желании неопределенный умысел можно сконструировать и как прямой (когда виновный в равной мере желал наступления любого из предвиденных им последствий), и как косвенный (когда виновный, не желая ни одного из этих последствий, сознательно допускает наступления любого из них), свидетельствует следующий пример из практики судов Российской Федерации.

Ленинским районным судом г. Курска Ш. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 160 УК РФ. Он признан виновным в присвоении, т.е. хищении чужого имущества, вверенного ему, с использованием своего служебного положения. Как указано в приговоре, в январе 1999 г. Ш., работая экспедитором в столовой, являясь материально ответственным лицом, получил указание от директора столовой Токаревой привезти из ООО «Сибирь» 10 т муки, доставить на склад, оприходовать, после чего реализовать. По данной ему 28 января 1999 г. доверенности он получил на складе ООО «Сибирь» 10 т муки на сумму 25648 руб., расходную накладную N 47 и счет-фактуру. В 17 часов того же дня Ш. вернулся в столовую, где, имея умысел на реализацию привезенной продукции и присвоение вырученных от продажи муки денег, не сдал ее на склад столовой, а документы для оприходования – в бухгалтерию, получил 1500 руб. в подотчет на транспортные расходы. На автомобиле «КАМАЗ», управляемом водителями Шеставиным и Ентяковым, не посвященными в

---

³ В свое время Б.С. Никифоров и Г.А. Злобин характеризуя неопределенный умысел указывали, что он представляет собой такое психическое отношение лица к общественно опасным последствиям своих действий, при котором виновный предвидит в общем виде (недостаточно конкретно) возможность наступления различных вредных последствий своего деяния и в равной степени желает наступления любого из них или сознательно допускает наступление любого из этих последствий [4, с. 97-98]. Это свидетельствует о том, что неопределенный умысел остается таковым, т.е. может быть либо прямым, либо косвенным и попытки некоторых юристов приравнять прямой неопределенный умысел к косвенному тщетны, и не отражают реальной специфики хищений как деяний, совершаемых со специальной целью.

преступные намерения Ш., последний перевез 10 т муки в г. Смоленск. 30 января 1999 г. Ш. сбывл ее частному предпринимателю по цене 2 руб. 60 коп. за 1 кг на общую сумму 26 тыс. рублей. На часть полученных от реализации муки средств он приобрел продукты, которые привез в г. Курск для дальнейшей реализации. В течение февраля, марта, апреля 1999 г. Ш. через свою жену сбывал приобретенный товар в торговые точки г. Курска и получал за них деньги. Однако полученные от реализации средства он в столовую не передавал, за полученные в подотчет 1500 руб. не рассчитался. Таким образом, как указано в приговоре суда, Ш., используя свое служебное положение, присвоил денежные средства в сумме 27500 руб. Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене судебных решений и прекращении дела. Президиум Курского областного суда протест удовлетворил по следующим основаниям. В обоснование своего решения о виновности Ш. в присвоении вверенного ему имущества с использованием своего служебного положения суд сослался на следующие доказательства: показания свидетелей Токаревой, Краснобаевой, Ентякова, Шеставина, Старцева и других; приказ о приеме на работу; договор о полной индивидуальной материальной ответственности; рапорт сотрудника милиции; накладные; счет-фактуру; доверенность; расходно-кассовый ордер; заключение эксперта; сообщения директора столовой. Но анализ этих доказательств не дает оснований прийти к выводу о наличии в действиях Ш. уголовно наказуемого деяния. Согласно ст. 160 УК РФ присвоением, уголовная ответственность за которое предусмотрена этой статьей, признается хищение чужого имущества, вверенного виновному. Однако признаки хищения в действиях Ш. отсутствуют. На предварительном следствии и в судебном заседании Ш. показал, что 24 января 1999 г. он приступил к работе в столовой в качестве экспедитора. 27 января 1999 г. директор столовой поручила ему получить 10 т муки в ООО «Сибирь» и реализовать ее с прибылью в размере 10%. Его знакомый Ентяков сообщил ему, что муку можно реализовать в г. Смоленске. 28 января он загрузил на складе ООО «Сибирь» 10 т в автома-

шину «КАМАЗ», водителем которой был Шеставин. На складе ему выдали накладную, счет-фактуру, сертификаты. Указанные документы, кроме сертификатов, он отдал в тот же день главному бухгалтеру столовой Краснобаевой для оприходования. От нее он получил 1500 руб. на командировочные расходы, два бланка чистых накладных от столовой. В г. Смоленске они объехали рынки и несколько фирм, продать муку с прибылью оказалось невозможно, так как цена на нее такая же, как и в г. Курске. Он решил вернуться в г. Курск, чтобы там реализовать муку или сдать ее обратно, но в пути следования Шеставин стал требовать расчет. Поскольку транспортные расходы он, Ш., должен был нести за счет увеличения стоимости муки, расплатиться с водителем было нечем. Тогда он принял решение вернуться в г. Смоленск, продать муку, на вырученные деньги рассчитаться с водителем, затем в г. Москве купить товар, сдать его в столовую и реализовать с наценкой. В г. Смоленске частному предпринимателю Старцеву он продал 10 т муки по 2 руб. 60 коп. за 1 кг, за поездку водителю Шеставину он отдал 6 тыс. рублей. Документы о продаже муки Ш. не оформил, поскольку был выходной день. Затем поехали в г. Москву. Там на сумму 13 тыс. рублей закупили кетчуп, горчицу, соду и вернулись в г. Курск ночью. На следующий день утром он объяснил Токаревой сложившуюся ситуацию, она товар не взяла, а потребовала отдать ей стоимость муки с 10%-ной прибылью одной суммой. В связи с тем, что он заболел, реализацией привезенного им товара стала заниматься его жена. Однако денег, для того чтобы расплатиться со столовой, оказалось недостаточно, поэтому он закупил обувь и предлагал ее Токаревой и заместителю директора ООО «Сибирь» в счет погашения ущерба; на это они не согласились. Умысла на хищение денежных средств, полученных от реализации муки, а также выданных на командировочные расходы, у него, по его словам, не было. В г. Москве он приобрел товар лишь с той целью, чтобы погасить транспортные расходы, но приобретенный им товар директор столовой отказалась взять. Данные показания Ш. объективно подтверждаются другими доказательствами, в частности, показа-

ниями свидетелей Токаревой, Краснобаевой, Ентякова, Шеставина, Старцева и др. Как видно из материалов дела, Ш. не имел умысла на хищение денежных средств, полученных от реализации вверенного ему имущества, поскольку, реализовав муку по более низким ценам, чем он предполагал, принял решение о приобретении товара в г. Москве с последующей его сдачей в столовую для того, чтобы покрыть непредвиденные убытки, в том числе и расходы, связанные с выплатой Шеставину за поездку 6 тыс. рублей. Признавая Ш. виновным в совершении хищения чужого имущества, вверенного ему, суд в приговоре указал: «Ш. длительное время ущерб не возмещал, возместил его только после возбуждения уголовного дела и ареста. Имевшиеся у него наличные деньги в кассу не сдавал, хотя такая возможность у него имелась. Об умысле подсудимого на хищение свидетельствует и его нежелание возместить ущерб за счет принадлежащего ему имущества, в частности автомобиля «Рено». Таким образом, одним из условий, в силу которого суд признал в действиях Ш. состав преступления – присвоение денежных средств и пришел к выводу о наличии у подсудимого умысла на хищение, является то обстоятельство, что он, будучи материально ответственным лицом, допустил нарушение финансовой дисциплины и длительное время не возмещал ущерб. Этот вывод суда при установленных обстоятельствах ошибочный, так как Ш. не имел намерения изъять вверенное ему имущество и обратить его в свою пользу, а вынужден был реализовывать приобретенные им товары, в связи с тем, что директор столовой Токарева отказалась у него их принять. Сами по себе обстоятельства, связанные с нарушениями Ш. финансовой дисциплины и уклонением его от возмещения ущерба, в данной конкретной ситуации не могут свидетельствовать о присвоении им вверенного имущества. Поэтому в действиях Ш. отсутствует состав преступления, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 160 УК РФ [18].

Итак, хищение характеризуется наличием у лица специального умысла, т.е. такого, который определяется наличием в сознании виновного особой цели, включенной законодателем в состав преступления в качестве конститу-

тивного элемента преступления. В таком случае деяние может быть совершено только с прямым умыслом. По этой причине любой косвенный умысел может рассматриваться как неопределенный (реальная возможность наступления нескольких последствий), однако такой умысел так и останется косвенным, а не прямым. При прямом неопределенном умысле виновным лицом, как правило, предпринимаются дополнительные действия, увеличивающие вероятность наступления общественно опасных последствий,⁴ даже если преступные намерения виновного и не конкретизированы.

При косвенном умысле результат не нужен виновному ни в качестве конечной цели, ни в качестве средства достижения какой-либо иной цели. В этом случае лицо не заинтересовано в наступлении общественно опасных последствий своих действий [4, с. 92]. Специфика косвенного умысла (не желание, а сознательное допущение результата) в том именно и состоит, что виновный, осознавая, что его действия причинят данный ненужный ему результат, тем не менее, совершает это деяние, не рассчитывая при этом на какие-либо обстоятельства, которые по его мнению, должны были бы и по своему характеру могли бы предотвратить наступление общественно опасных последствий. Следовательно, нельзя конкретный характер наступивших последствий при хищении определять случайностью. В рамках косвенного умысла психическое отношение к нереализовавшимся последствиям юридически не существует.

Осознание же виновным степени вероятности «выпадения» того или иного результата сильно зависит от его личного опыта и психических особенностей. И это не исключает вменения, поскольку, учитывая особенности доказывания субъективной стороны преступления, круг предполагаемых последствий деяния относится скорее к осведомленности суда об обстоятельствах рассматриваемого дела, чем к сознанию виновного [6, с. 80]. Следовательно, хищение всегда совершается с прямым специальным умыслом, и ни-

---

⁴ Это может выражаться в очевидной выраженности умысла в объективной действительности, характере причиняемого вреда, планомерности действий и иных обстоятельствах, указывающих на определенность намерений преступника.

когда не может быть совершено с косвенным неопределенным умыслом. Эта аксиома квалификации имущественных преступлений и в ее сущностное понимание не стоит вносить иные правоположения.

Пристатейный библиографический список

1. Векленко В.В. Квалификация хищений. – Омск, 2001.
2. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. – Саратов, 2003.
3. Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Социалистическая собственность под охраной закона. – М., 1979.
4. Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. – М., 1972.
5. Клепицкий И. Мошенничество и правонарушения гражданско-правового характера // Законность. – 1995. – № 7.
6. Кораблева С.Ю., Казакова В.А. Вина как уголовно-правовая категория и ее влияние на квалификацию преступлений. – М., 2016.
7. Красущих Л.В. Карательная практика по уголовным делам о хищениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Омск, 2006.
8. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. – М., 1974.
9. Курс криминалистики. Особенная часть. Т. 1. Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений / Отв. ред. В.Е. Корноухов. – М., 2001.
10. Матышевский П.С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в Украинской ССР. – Киев, 1972.
11. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. – М., 2007. – Т. 2.
12. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. – М., 2006.
13. Советское уголовное право. Особенная часть / Под ред. Г.А.Кригера [и др.]. – М., 1981.
14. Тверковина Е. Уголовно-правовые составы хозяйственных нарушений: мошенничество // БНПИ. Юридический мир. – 2004. – № 4.
15. Тенчов Э.С. Размер и виды хищений социалистического имущества. – Иваново, 1983.

16. Тишкевич И.С., Тишкевич С.И. Квалификация хищений имущества. – Минск, 1996.
17. Тишкевич И.С. Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность. – Минск, 1984.
18. <http://www.resheniya-sudov.ru/2004/238436>.
19. Тропин С. Субъективные признаки хищения // Советская юстиция. – 1990. – № 7.
20. Хилjuta В.В. Понятие и признаки хищения в уголовном праве. – М., 2016.
21. Яковлев А.М. Законодательное определение преступлений в сфере экономической деятельности // Государство и право. – 1999. – № 11.
22. Яни П. Уголовно-правовое значение коммерческого риска // Российская юстиция. – 1996. – № 8.
23. Яни П.С. Мошенничество и иные преступления против собственности: уголовная ответственность. – М., 2002.
24. Яни П.С. Экономические и служебные преступления. – М., 1997.

Khiluta Vadim Vladimirovich

WHETHER IT IS POSSIBLE TO STEAL WITH INDIRECT INTENT?

In article are considered urgent for law-enforcement practice and the theory of criminal law of a problem of qualification of theft on subjective signs. The author raises a question of a possibility of theft with indirect intent. Law-enforcement practice is in details analyzed and the arguments disproving this look are given. Situation according to which plunder is possible only with direct intention is defended, and no options identifying direct uncertain intention with indirect can be taken into account.

Keywords: theft, direct intention, target of a crime, property crimes, subjective signs of theft.